

Т. А. Майсак
(Москва)

Видо-временные системы лезгинских языков

1. Формы от инфинитива

1. Видо-временные системы лезгинских языков: основные принципы устройства глагольной парадигмы

Основные видо-временные формы в лезгинских языках обладают рядом характерных особенностей, которые позволяют представить глагольные системы этих языков в достаточно четко структурированном виде.

Во-первых, едва ли не подавляющее большинство этих форм имеют исходную аналитическую структуру и состоят из нефинитной части (деепричастия, причастия либо инфинитива) и вспомогательного глагола. Нефинитная часть выражает определенную аспектуальную либо модальную семантику, тогда как вспомогательный глагол маркирует временную референцию ситуации. Так, например, в лезгинских формах настоящего времени *рахазва* 'говорит' (< *рахаз ава* «говоря есть») и перфекта *ацукънава* 'сидит' (< *ацукъна ава* «севши есть») деепричастие несовершенного вида на -з указывает на протекание процесса, деепричастие совершенного вида на -на — на результат процесса, а вспомогательный глагол *ава* 'есть, находится' связывает описываемую ситуацию с моментом речи.¹

Во-вторых, вспомогательные глаголы, используемые в аналитических формах, как правило, имеют лишь две формы времени — настоящее и прошедшее. Соответственно, среди видо-временных форм можно выделять, условно говоря, формы «плана настоящего», т.е. включающие вспомогательный глагол в форме настоящего, и формы «плана прошедшего», включающие, соответственно, вспомогательный глагол в прошедшем времени. Так, например, эквивалентом уже упомянутой лезгинской формы настоящего времени *рахазва* 'говорит' в плане прошлого будет форма прошедшего длительного *рахазвай* 'говорит' (< *рахаз авай* «говоря был»), у которой меняется временная референция, однако сохраняется аспектуальная семантика несовершенного вида. В качестве основных вспомогательных глаголов мы будем ниже рассматривать в первую очередь именные связки со значением 'быть, являться' (т.е. те элементы, которые используются в предложениях идентификации и характеристики с неглагольным сказуемым), а также локативные глаголы 'быть, находиться', описывающие местоположение (типа лезгинского *ава*, см. выше).

Наконец, в-третьих, в большинстве языков лезгинской группы представлена словоизменительная категория вида, охватывающая все глагольные основы (или их подавляющее большинство)². В рамках данного видового противопоставления можно, таким образом, говорить о двух подсистемах — совершенного вида и несовершенного

---

¹ На современном этапе указанные глагольные формы морфологически полностью слитны (и могут, тем самым, считаться синтетическими), однако здесь и далее, говоря об их «аналитической структуре», мы имеем в виду тот бесспорный факт, что возникли данные формы именно как сочетания нефинитной части и вспомогательного глагола.

² В лезгинском и удинском языках противопоставление видовых основ во многом стерто, однако и там особенности образования форм нерегулярных глаголов позволяют говорить о существовании основ совершенного и несовершенного видов (ср. лезгинские деепричастия *лагъа-на* 'сказав' vs. *лугъу-з* 'говоря' с вокалическими чередованиями, или удинские причастия *har-i* 'пришедший' vs. *eR-ala* 'приходящий, идущий сюда' с супплетивными основами).

вида. Наиболее четко по аспектуальной семантике противопоставлены такие нефинитные формы, как причастия и деепричастия, которые как раз главным образом и лежат в основе финитных видо-временных форм. Что касается инфинитива, то он нередко лишен определенной видовой семантики, а морфологически не обязательно произведен от одной из видовых основ.

Таким образом, системы видо-временных форм лезгинских языков можно представить в виде независимых и накладывающихся одну на другую подсистем несовершенного и совершенного видов, с одной стороны, и форм «плана настоящего» и «плана прошедшего», с другой. К типичным формам несовершенного вида «плана настоящего» относится собственно настоящее время (презент) и нередко будущее время, к формам несовершенного вида «плана прошедшего» — прошедшее длительное (имперфект), к формам совершенного вида «плана настоящего» — перфект или результатив, к формам совершенного вида «плана прошедшего» — неактуальное прошлое или результатив прошедшего времени, и т.п. Надо сказать, что средства выражения будущего времени занимают в лезгинских языках особое место: нередко будущее выражается общей формой «настояще-будущего времени» (либо формой, восходящей к презенту, но полностью или частично утратившей презентные употребления), однако встречаются и случаи развития футурального значения на основе модальных значений долженствования, предназначенности и т.п.

В данной работе мы рассмотрим важнейшие и сходные структуры, лежащие в основе видо-временных форм лезгинских языков; в центре внимания будут те из них, которые выражают настоящее и будущее время. Как правило, такие формы происходят от основ несовершенного вида либо от специальной основы инфинитива и включают вспомогательный глагол в настоящем времени (ср. распространенную структуру «деепричастие несовершенного вида + связка настоящего времени» для презентных форм). Тем не менее, мы будем наряду с такими формами характеризовать и их эквиваленты с вспомогательным глаголом в прошедшем времени, поскольку такие формы нередко семантически симметричны и различаются лишь временной референцией (если же в чем-то эти структурно параллельные формы несимметричны по значению, это тем более заслуживает упоминания и объяснения).

Начнем мы с видо-временных форм, образованных от инфинитива, или «целевой формы» (либо «долженствительной формы»), как его нередко называют в грамматических описаниях. Отмечая активное участие нефинитных форм в образовании новых видо-временных конструкций лезгинских языков (после распада общелезгинского состояния) М. Е. Алексеев указывает на следующие три характерных явления: а) употребление деепричастий «в качестве предикативных форм без использования вспомогательного глагола», б) включение причастий в систему спряжения, а также в) формирование будущего времени на основе «целевого наклонения», ср. агульское *акъас* 'делать' — *акъас е* 'сделает' и рутульское *лузвас* 'встать' — *лузвас(и)* 'встанет' [Алексеев 1985: 98]. Подобные случаи рассмотрены подробнее в разделе 2, и о них мы будем говорить как о реализации «целевой модели», т.е. исходной структуры со значением наличия у субъекта определенной цели либо намерения/долженствования совершить действия ('для того, чтобы Р'). В большинстве случаев в подобной модели выступают собственно формы инфинитива на -с, которые могут быть возведены к пралезгинскому инфинитиву на *-с: — данный показатель, в свою очередь, «естественно считать... историческим показателем датива» [Алексеев 1985: 100]. Однако существуют и иные по происхождению формы, также выступающие в целевой модели, и на них мы также остановимся ниже. Семантическая эволюция форм, основанных на данной модели, а также примеры ее реализации в языках за пределами лезгинской группы, будут рассмотрены в разделе 3.

Целевая модель является не единственной, в составе которой инфинитивы могут выступать в основных видо-временных формах. Так, М. Е. Алексеев далее пишет о том, что «в лезгинском и удинском целевая форма послужила основой для группы времен несов. вида: лезг. *къачуз-ва* ‘берет’, *къачуз-ва-й* ‘брал’ и т.п.; уд. *бес-а-не* ‘делает’, *бес-а-не-й* ‘делал’ и т.п.» [Алексеев 1985: 98]. В разделе 4 мы покажем, насколько правомерно рассматривать данные видо-временные формы как образованные от инфинитива, и какую именно исходную модель они реализуют.

Сразу скажем, что видо-временные формы с инфинитивом либо другим целевым образованием имеются далеко не во всех языках лезгинской группы (их нет, например, в ТАБАСАРАНСКОМ, КРЫЗСКОМ и БУДУХСКОМ). Учитывая это, а также тот факт, что в разных языках инфинитив выступает в разных моделях, что приводит к созданию форм с весьма далеким значением (например, будущего vs. настоящего времени), можно утверждать, что само по себе образование форм с инфинитивом в лезгинских языках не проецируется на пралезгинский уровень. Развитие таких форм происходило уже позже и либо на уровне праязыков отдельных современных групп (например, рутульско-цахурской), либо еще позже на уровне отдельных языков внутри групп.

2. «Целевая модель»: намерение/долженствование > будущее время

Образование форм со значением намерения/долженствования или будущего времени — это основной путь вхождения инфинитива в финитную парадигму видо-временных форм в лезгинских языках. Данный путь развития с участием «общелезгинского» инфинитива на *-с* отмечен в четырех языках (агульском, рутульском, цахурском и арчинском), а еще одном языке (лезгинском) в аналогичной конструкции выступает другая форма с целевым значением.

С точки зрения результирующей семантики наиболее близки конструкции с инфинитивом в агульском, рутульском и цахурском языках — во всех трёх случаях данная конструкция служит основным средством выражения будущего времени. В АГУЛЬСКОМ форма будущего включает инфинитив и именную связку настоящего времени *e* (по диалектам, также *и* или *ву*) в роли вспомогательного глагола, ср. тпигское *акъас-е* ‘сделает’ < *акъа-с* ‘сделать, чтобы сделать’ + *e* ‘есть’ или буршагское *акъас-у* ‘сделает’ < *акъа-с* ‘сделать, чтобы сделать’ + *ву* ‘есть’. В РУТУЛЬСКОМ форма будущего устроена аналогично, однако связка *и* ‘есть’ представлена не всегда: возможно, ее наличие или отсутствие объясняется диалектным варьированием, либо энклитическая связка опускается в речи по фонетическим причинам. Так, М. Е. Алексеев приводит связку в утвердительной форме будущего времени в скобках, ср. *сехас (и)* ‘заснет’ < *сехас* ‘спать, чтобы заснуть’ ($\pm$ *и* ‘есть’) [Алексеев 1999: 417]³. Наконец, в ЦАХУРСКОМ форма будущего времени полностью совпадает с инфинитивом — называемым также «потенциалисом» — и не включает связку, ср. *āхъас* ‘открыть, чтобы открыть’ (в зависимом употреблении) либо ‘откроет’ (в финитном употреблении). Подобное использование исходно нефинитной формы для цахурского языка вполне характерно: так, настоящее и прошедшее время индикатива также совпадают с соответствующими нефинитными формами (деепричастиями несовершенного и совершенного видов)⁴.

³ Аналогично, в [Alekseev 1994: 231, 233] отмечается, что будущее время образуется от инфинитива при помощи *и*, однако во всех приводимых примерах на форму будущего конечное *и* отсутствует. Заметим, что при отрицании связка всегда наличествует, ср. *сехас (и)* ‘заснет’ ~ *сехас дши* ‘не заснет’ [Алексеев 1999: 417].

⁴ Более того, все эти формы в финитном употреблении могут быть маркированы показателем атрибутива, становясь тем самым причастиями; ниже мы не рассматриваем причастные формы, поскольку их отличие от «неатрибутивных» финитных форм в большинстве случаев не связано с видо-временной

Ср. некоторые примеры употребления названных форм:

- (1) *zun* ана х.и-guna, ана *χal* **виš.a-s-e**.
я большой стать.Pf-Temp большой дом **купить.Ipf-Inf-Cop**
(Говорит маленький мальчик.) Когда я вырасту, **куплю** большой дом. [Майсак, Мерданова 2002]
- (2) Ва ладжаба-нахъун, за **лаба-с-и**.
ты:Erg Neg+надевать-Cond я:Erg **одеть-Inf-Cop**
Если ты не оденешь, я **одену**. [Махмудова 2001: 142]
- (3) *zi* wa-s meχ_o **hāʔ-as** aʔi maʔallim-ni χizan-ni haʔkʔe.
я:Erg ты-Dat сказка **делать-Inf** Али учитель-Attr семья-Attr про
Я **расскажу** тебе историю про семью учителя Али. [Кибрик, Тестелец (ред.) 1999: 778]

Близки по семантике и эквиваленты данных форм в плане прошедшего, т.е. конструкции, включающие связку в прошедшем времени — ср. агульское *акъас-ий* ‘сделал бы’ < *акъа-с* ‘сделать, чтобы сделать’ + *ий* ‘был’ или рутульское *кихъис-ий* ‘написал бы’ < *кихъи-с* ‘написать, чтобы написать’ + *ий* ‘был’. Эти формы по значению уже выходят за рамки индикатива, они используются прежде всего в следствии нереальных условных предложений и описывают контрфактически е ситуации (‘Р имело бы место при нереализованном условии’), ср.:

- (4) *za-s* šaw ru-paj-či, *zun* **ʔa-s-ij**.
я-Dat приходит:Imp говорить:Pf-Res-Cond я **идти:Ipf-Inf-Cop:Pst**
Если бы меня (тогда) пригласили [= приходи, сказали], я **бы пошла**. [Майсак, Мерданова 2002]
- (5) Къара-нений сархъири-йди, йе **хъадаха-с-ий**.
баба-яга спать-Cond:Irr мы **убегать-Inf-Cop:Pst**
Если б Баба-Яга уснула, мы **убежали бы**. [Махмудова 2001: 141]

В цахурском аналоге формы будущего в «плане прошедшего» является, по всей видимости, так наз. кондиционалис, образуемый от инфинитива при помощи суффикса *-и*. Связка прошедшего времени типа *ий* в современном цахурском в чистом виде отсутствует (ей соответствует частица *йи* с особым модальным значением), однако вполне можно предполагать, что в составе кондиционалиса мы видим именно эту бывшую связку прошедшего времени, уже полностью морфологизованную и ставшую суффиксом: тем самым, формы типа *āχъас-и* ‘если бы открыл’ скорее всего восходит к *āχъа-с* ‘открыть, чтобы открыть’ + *ий* ‘был’. Данная форма также имеет ирреальную семантику, однако в отличие от своего аналога в агульском и рутульском она описывает контрфактическое условие, а не следствие, ср.:

- (6) *jiz-in* pil **qil-es-i**, *zi* χaw aʔaʔ-*i*.
мой-Attr деньги **отдавать-Inf-Irr** я:Erg дом строить.Ipf-Irr
Если бы я деньги **получил**, я бы дом построил. [Кибрик, Тестелец (ред.) 1999: 265]

Интересно, что в цахурском языке существует и другая видо-временная форма с инфинитивом, которая реализует уже, однако, второй подтип эволюции инфинитивных конструкций — а именно, интенциональный/долженствовательный. Эта форма включает связку настоящего времени *во-д* с суффиксальным классным показателем (в данном

семантикой, а основано на противопоставлениях в коммуникативной структуре высказывания (подробнее см. [Калинина, Толдова 1999: 394-419]).

случае -d четвертого класса). Формы типа *āx̄as-od* (< *āx̄a-s* ‘открыть, чтобы открыть’ + *vo-d* ‘есть’) имеют два значения — они описывают либо ситуацию намерения субъекта совершить действие, либо внешнюю необходимость (долженствование) его совершения, ср.:

- (7) *dak:-ē žiga ez-as-o-d.*
отец-Erg участок пахать-Inf-Cop-IV
Отец собирается // должен вспахать участок.

При том, что связка *vo-d* не имеет семантически регулярного эквивалента в плане прошлого, аналогом данной конструкции в прошлом можно считать сочетание инфинитива с формой прошедшего времени *ix̄a* глагола *ix̄es* ‘быть, стать’ — эта форма передает довольно специфическое модальное значение в *ынужденности* в прошлом ‘пришлось сделать’, ср.:

- (8) *ma^hhammad^v-ē gu^l āq-as ixa.*
Магомед-Erg окно открывать-Inf стать(IV).Pf
(Хотя он не хотел открывать окно, но) Магомеду окно открывать все-таки пришлось.

К тому же семейству долженствовательных форм относится и АРЧИНСКИЙ дебитив, образуемый от инфинитива при помощи общей связки настоящего или прошедшего времени, ср. *deq^hes wi* ‘должен пойти’ < *deq^he-s* ‘пойти’ + *wi* ‘есть’, *deq^hes ewdi* ‘должен был пойти’ < *deq^he-s* ‘пойти’ + *ewdi* ‘был’ (с показателем 1-го именного класса). Судя по имеющимся примерам, эта форма имеет только долженствовательное, но не интенциональное значение, ср.:

- (9) *zon duχ^hat:ak deq^he-s d-i.*
я на.мельницу идти-Inf IV-Cop
Мне на мельницу пойти надо.

- (10) *os ulu halmaχdu owl-s ewdi.*
один наш друг приходит-Inf Cop:Pst(I)
(Мы собрание не начинали, так как) один наш друг прийти должен был.

Наконец, еще один пример сходной конструкции мы находим в ЛЕЗГИНСКОМ языке, хотя в данном случае сходство имеется скорее структурное и типологическое, нежели этимологическое. В лезгинском имеется целевая форма на *-дайвал*, которая образована от причастия будущего времени (на *-да-й*) при помощи продуктивного суффикса номинализации *-вал*; в отличие от инфинитива на *-з*, данная форма употребляется прежде всего в целевых придаточных, имеющих субъект, отличный от субъекта главного, ср. *дал жедайвал, везь са кус* ‘чтобы замолкла, кинь кусок!’ [Гайдаров и др. 2002]. Эта целевая форма образует конструкцию со связкой *я* ‘есть’, описывающую намерение либо «близкое будущее», ср. *къачудайвал я* ‘собирается взять’ < *къачудайвал* ‘чтобы взять’ + *я* ‘есть’:

- (11) Эгер пуд йикъ.а-л-ди солдат-ар-ни балкІан-ар та-га-й-тІа,
если три день-Super-Lat солдат-Pl-и лошадь-Pl Neg-давать:Pf-Part-Cond
хуър.уь-з цІай я-да-й-вал я.
село-Dat огонь бить-Fut-Part-Nm Cop
Если в течение трех дней не дадут солдат и коней, они собираются поджечь село. [Гайдаров и др. 2002]

Конструкция эта сравнительно редкая и в ядро видо-временной системы не вхо-

дит⁵; тем не менее, ее принадлежность к семейству форм, построенных на базе целевых/инфинитивных образований, бесспорно. Эквивалентом данной конструкции в прошедшем времени служит сочетание с прошедшим временем связки либо стандартного глагола *хьун* 'быть, стать', ср.:

(12) Къе чун экскурсия.ди-з **фи-да-й-вал тир**, амма марф къва-на.
сегодня мы экскурсия-Dat **идти-Fut-Part-Nm Cop:Pst** но дождь падать-Aor
Сегодня мы собирались на экскурсию (= собирались пойти), однако пошел дождь. [Гайдаров и др. 2002]

3. Семантическое развитие конструкции и типологические параллели

Итак, как мы видим, в лезгинском конструкция с целевой формой грамматикализована со значением намерения, в арчинском — с долженствовательным значением; в цахурском же соответствующая форма (вариант с глаголом-связкой) полисемична и выступает как в контексте долженствования, так и при описании намерения субъекта. Во всех этих случаях конструкция, которая включает связку в настоящем времени, описывает именно положение дел в настоящем: речь идет о том, что в момент речи имеется либо намерение или обязательство субъекта осуществить действие. Заметим, что все эти условия — намерение, обязательство и пр., — хотя и относятся к настоящему, фактически имплицитно осуществление описываемой ситуации в будущем (поскольку, если кто-то должен или намеревается что-то сделать, он с высокой долей вероятности сделает это). Если же вспомогательный глагол стоит в форме прошедшего, меняется только временная референция: намерение или долженствование относится к точке отсчета в плане прошлого, а потенциальное осуществление действия — к периоду после этой точки отсчета. Тем самым, связка устанавливает временную референцию ситуации, тогда как целевая (инфинитивная) форма передает специфическое модальное значение — намерения / долженствования / предопределенности, — которое имеет также и имплицитный аспектуальный компонент следования точке отсчета.

Связь исходной семантики целевой/инфинитивной формы с этим значением намерения / долженствования достаточно прозрачна: намерение или долженствование как раз и подразумевает существования цели, которую необходимо достичь. Поэтому представляется, что именно формы данного типа, т.е. интенциональные и долженствовательные, соответствуют начальному этапу грамматикализации целевой конструкции. Как уже говорилось выше, значение собственно будущего времени возникает скорее как импликация, однако эта импликация может со временем стать центральным значением формы: это, на наш взгляд, и произошло в тех случаях, когда целевая конструкция стала основным средством выражения будущего времени (ср. агульский, рутульский, цахурский языки). Собственно футуральное значение — это, тем самым, следующий этап семантической эволюции.

Можно заметить, что именно для форм будущего времени (в отличие от интенциональных и долженствовательных) их морфологические аналоги в плане прошлого несимметричны по семантике — это не «будущее в прошедшем», а контрфактические формы. Такая асимметрия также указывает на более значительную эволюцию форм футурального подтипа: очевидно, что контрфактическое значение развилось на основе более нейтрального значению предстоящей ситуации в прошлом ('должен был/собирался сделать' > 'сделал бы'). Механизм такого перехода достаточно прост, в данном случае используется одна из прагматических импликатур, описанных еще П. Грайсом. Когда

⁵ В числе аналитических форм лезгинского глагола данная конструкция упоминается крайне редко; ср., в частности, [Haspelmath 1993: 147-148].

говорящий утверждает, что нечто должно было осуществиться в прошлом, либо было на грани осуществления в прошлом, это часто имплицитно означает то, что описываемая ситуация так и не имела места — в противном случае говорящий выбрал бы более информативный способ описания и сообщил бы о том, что ситуация имела место, а не просто была близка к осуществлению (ср. также обсуждение в [Comrie 1985: 75]). Соответственно, формы прошедшего времени, которые обозначают готовящуюся, потенциальную ситуацию в прошлом, имеют тенденцию превращаться в формы с контрфактической семантикой⁶.

Итак, мы можем представить общую линию развития видо-временных форм, возникших на базе целевых/инфинитивных конструкций, следующим образом. Такие конструкции возникают при описании существующего в настоящем долженствования либо намерения (т.е. некоторой «предопределенности»); со временем импликация совершенной ситуации в будущем становится основным значением этих форм и они входят в ядро глагольной парадигмы как основные (или одни из основных) формы будущего времени. Соответствующие конструкции в плане прошлого (со связкой прошедшего времени) на основе исходного значения предстоящей ситуации в прошлом развивают контрфактическое значение, выходя за пределы индикативной подсистемы.

Типологически подобное развитие футуральных форм является отнюдь не уникальным для лезгинских языков. Конструкции со значением долженствования являются одним из основных источников для форм будущего времени во многих языках мира, в т.ч. в ряде западноевропейских языков. Исходно эти формы не обязательно развиваются на основе целевых конструкций, в основе может лежать конструкция обладания (так, в романских языках будущие времена восходят к сочетанию с глаголом *habēre* ‘иметь’), однако семантически источником футурального значения здесь также является модальное значение долженствования либо предопределенности; см. подробное обсуждение в работе [Bybee et al. 1994: 258-264]. Конструкции со значением долженствования с инфинитивом и связкой также встречаются в европейских языках: ср. английское *be to* в контекстах типа *The medicine is to be taken after meals* ‘Это лекарство нужно принимать (= должно приниматься) после еды’.

Можно указать и на ряд примеров сходного развития конструкций с инфинитивами с языках нахско-дагестанской семьи за пределами лезгинской группы. Так, в АВАРСКОМ языке наряду с синтетической формой будущего времени на *-ла || -на* существует «будущее составное», состоящее из инфинитива и связки *буго*; оно выражает предстоящее действие, а также долженствование: ср. *гъабизе буго* ‘будет делать’, *къезе буго* ‘должен дать’, *дов вачIине вуго* ‘он должен прийти’ [Маллаева 1998: 123]. В ЧАМАЛИНСКОМ языке андийской группы «будущее определенное» состоит из инфинитива и связка настоящего времени *ида* (которые могут стягиваться в единую синтетическую форму, ср. *ахъла ида > ахълѣда* ‘будет молот’). В отличие от синтетического «будущего неопределенного», «будущее определенное» выражает «действие, в сроке и в обязательности совершения которого уверены; оно может иметь и оттенок долженствования», ср. *гъѣв мачI вахIла ида гарѣдде* ‘мальчик (обязательно) упадет’ [Бокарёв 1949: 89-90].

В гяльдагском говоре БЕЖТИНСКОГО языка цезской группы имеется форма, называемая «препаратив», которая также состоит из инфинитива и связки настоящего вре-

---

⁶ В числе параллелей можно вспомнить английскую форму *would do* ‘сделал бы’, которая выступает не только в качестве «будущего в прошедшем» при согласовании времен (ср. *he told us he would come* ‘он сказал нам, что придет’), но и в качестве сослагательного наклонения (ср. *he would come if you invited him* ‘он бы пришел, если бы вы его пригласили’), а морфологически является аналогом в «плане прошлого» одной из форм будущего времени — *will do* ‘сделает’ с вспомогательным глаголом *will*, исходно означавшим ‘хотеть, желать’.

мени и означает 'в момент речи ожидается, что ситуация осуществится', ср. *ийоь кIераь бохал гел* 'мама собирается купить кувшин', *лы билол руьхаьл гел* 'вода вот-вот превратится в лед' [Kibrik, Testelets 2004: 257]. Кроме того, в КУБАЧИНСКОМ языке даргинской группы от инфинитива при помощи связки настоящего времени (в 1-м и 2-м лицах, в 3-м лице связка отсутствует) образуется форма «неопределенного будущего», а при помощи связки прошедшего времени — форма «неопределенного прошедшего», употребляемая в условных предложениях: ср. *bāq'ij* 'он сделает' ~ *bāq'ij-de* 'сделал бы (с готовностью)' [Магометов 1963: 198-199].

Как мы видим, в названных языках конструкции с инфинитивом также находятся на разных этапах грамматикализации: если в бежтинском и аварском значения намерения и долженствования все еще ощущаются как центральные в значении соответствующих форм, то в чамалинском и кубачинском (особенно в последнем) эти формы стали чисто футуральными, а их аналоги в плане прошлого, судя по всему, вышли за пределы индикатива.

4. Инфинитив вне «целевой модели»

Как отмечает М. Е. Алексеев (см. приводимую выше цитату), в двух языках лезгинской группы целевая форма послужила основой для форм несовершенного вида: имеются в виду основная лезгинский презенс и имперфект типа *къачуз-ва* 'берет' ~ *къачуз-ва-й* 'брал' и основной удинский презенс и имперфект типа *бес-а-не* 'делает' ~ *бес-а-не-й* 'делал'⁷. В обоих случаях соответствующие формы производны от общелезгинского инфинитива на *-с-:, т.е. формально их как будто бы можно сопоставить с теми случаями, которые рассматривались выше. Тем не менее, семантическое развитие лезгинской и удинской форм другое — они выражают несовершенный вид (в частности, являются основными презентными формами в данных языках), а не долженствование либо потенциальность, что наблюдается в других языках и что, собственно, закономерно ожидать от исходных конструкций с инфинитивами.

Причина столь своеобразного развития лезгинских и удинских презентсов (и имперфектов) достаточно проста и состоит в том, что в их основе лежит не целевая модель, а другие структуры. Что касается ЛЕЗГИНСКОГО, то здесь надо вспомнить, что форма на -з имеет в данном языке две функции это и собственно «целевая форма» (инфинитив), и деепричастие несовершенного вида; ср. *фу къачуз* 'чтобы взять хлеб' или 'беря хлеб'. При этом значение несовершенного вида нельзя считать просто одним из значений, развившихся у инфинитива: скорее всего в данном случае следует говорить о двух различных формах на -з, восходящих к разным значениям общелезгинского дательного падежа на *-с-:. Если в основе инфинитива, как уже указывалось, лежит стандартное значение направления и цели ('чтобы сделать Р'), то в основе деепричастия несовершенного вида — временное значение датива ('в то время, когда происходит Р'), с которым мы встречаемся, например, и у ряда имен, обозначающих периоды времени, ср. *йифи-з* 'ночью', *гату-з* 'летом', *алатай йису-з* 'в прошлом году' и т.п.⁸. На то, что мы скорее всего имеем дело с двумя независимыми формами, указывает и тот факт, что форма на -з от стативных глаголов типа я 'есть, имеется', ава 'находится' и т.п. функционирует только как деепричастие, тогда как собственно инфинитива у них нет: ср. *адет я-з* 'обычно' (= «обычай будучи»), *машинда ава-з* 'в машине' (= находясь в ма-

⁷ В обоих случаях конечное -й в имперфекте восходит к связке прошедшего времени; -не в удинских формах — показатель третьего лица единственного числа.

⁸ Аналогично, к дательному падежу восходит деепричастие несовершенного вида (одновременно) на -джиз в крызском языке, см. [Authier 2007].

шине) и т.п. Редупликации также подвергается именно деепричастие, а не целевая форма, ср. *Ам хьуьрез-хьуьрез чи патав атана* 'Он подошел к нам смеясь' [Гайдаров и др. 2002]; обсуждение различий в образовании и функциях инфинитива и деепричастия см. также в [Рагимова 2005: 11].

Всё это позволяет утверждать, что лезгинский презенс на самом деле восходит к сочетанию не инфинитива, а деепричастия несовершенного вида с локативным вспомогательным глаголом *ава* 'находится': ср. *къачуз-ва* 'берет' < *къачуз* 'беря' + *ава* 'находится'⁹. В основе этой формы лежит, таким образом, не целевая, а локативная модель («находиться внутри процесса»), которая встречается и в других языках лезгинской группы.

Что же касается УДИНСКОГО языка, то здесь в основе презенса на *-са* типа *бес-а-не* 'делает' бесспорно лежит именно инфинитив на *-ес* (ср. *б-ес* 'делать'), однако и в этом случае речь не может идти об исходной целевой модели. Дело в том, что в удинском языке инфинитив склоняется, и форма на *-са* представляет собой, по всей видимости, дательный падеж на *-а*, имевший исходно локативное значение (нахождение внутри). Форма презенса, тем самым, построена на основе отглагольного образования со значением типа 'в делании, в процессе осуществления действия'. Фактически мы имеем здесь еще один случай локативной модели, только если в лезгинском языке сама идея нахождения выражается через вспомогательный глагол (*ава* 'находится'), то в удинском локативность маркирована непосредственно в падежной форме инфинитива (*бес-а* 'в делании').

Локативная модель («находиться внутри процесса, находиться в делании») как один из основных источников видо-временных форм распространена во многих языках мира, в том числе и в ряде других языков лезгинской группы, — причем во всех из них она лежит в основе форм презенса и имперфекта. Данный путь развития будет подробнее рассмотрен во второй части нашего обзора.

Обозначения

I, II, III, IV – именные классы; Aor – аорист; Atr – атрибутивный показатель; Cond – условное наклонение; Cop – именная связка; Dat – датив; Erg – эргатив; Fut – будущее время; Imp – императив; Inf – инфинитив; Ipf – несовершенный вид; Irr – ирреальное (контрфактическое) наклонение; Lat – направление «к ориентиру»; Neg – отрицание; Nm – показатель субстантивации; Part – причастие; Pf – совершенный вид; Pl – множественное число; Pst – прошедшее время; Res – результирующий; Super – локализация «вверху» (латив); Temp – временное деепричастие

Примечание. В примерах используется орфография на основе кириллицы либо латинская транскрипция, в зависимости от способа записи в источнике примеров. Транскрипция, а также морфемное глоссирование были незначительно унифицированы.

Литература

Алексеев М. Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985.

Алексеев М. Е. Рутульский язык // Языки мира: Кавказские языки. М., 1999.

Бокарёв А. А. Очерк грамматики чамалинского языка. М.; Л., 1949.

Гайдаров Р. И., Гюльмагомедов А. Г., Мейланова У. А., Талибов Б. Б. Грамматика современного лезгинского языка. Рукопись, 2002.

Калинина Е. Ю., Толдова С. Ю. Атрибутивизация // Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. (ред.)

---

⁹ Данная точка зрения подробно аргументируется также в монографии [Керимов 2002]. Заметим, что сочетание инфинитива с локативным глаголом 'находиться' в качестве вспомогательного глагола вообще не характерно для лезгинских языков (инфинитивы сочетаются только с именными связками), что может служить дополнительным аргументом против анализа формы типа *къачуз-ва* как производной именно от инфинитива.

- Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.
- Керимов К. Р. Контрастивная аспектология лезгинского и русского языков. Махачкала, 2002.
- Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. (ред.) Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.
- Магомедов А. А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963.
- Майсак Т. А., Мерданова С. Р. Глагольная система хпюкского говора агульского языка. Рукопись, 2002.
- Маллаева З. Видо-временная система аварского языка. Махачкала, 1998.
- Махмудова С. М. Морфология рутульского языка. М., 2001.
- Рагимова В. М. Фазовые глаголы в лезгинском и немецком языках. Махачкала, 2005.
- Alekseev M. E. Rutul // Smeets R. (ed.) The indigenous languages of the Caucasus. Vol. 4. Part 2. Delmar, NY: Caravan books, 1994.
- Authier G. Éléments de grammaire Kryz (dialecte d'Alik, langue caucasique d'Azerbaïdjan). Paris, 2007.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Comrie B. Tense. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Haspelmath M. A grammar of Lezgian. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Kibrik A. E., Testelec J. G. Bezhta // Job M. (ed.) The indigenous languages of the Caucasus. Vol. 3. Part 1. Ann Arbor, MI: Caravan Books, 2004.